

В. И. Разумов

В. В. Савчук. **Топологическая рефлексия**. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2012. 416 с.

Монография «Топологическая рефлексия» вызывает интерес и призывает читателя к со-размышлению. Занимаясь вопросами рефлексии и топологии, я подхожу к ним с иных позиций в сравнении с Валерием Владимировичем Савчуком, и чтобы создать определённый контекст обсуждения монографии, выделю несколько положений, по которым, на мой взгляд, наши позиции совпадают.

Первое. С конца XX — начала XXI в. человечество переживает системный кризис, отчасти воспроизводимый масштабной метафорой «осевого времени» К. Ясперса (800–200-е годы до н.э.), когда архаическое общество сменяется современным, апогеем развития которого становится индустриальная цивилизация, развернувшаяся на комплексе религиозных, научно-технических, философских идей, в технологиях образования.

Второе. Современная культура обращается к своим основаниям, в том числе к архаике, поскольку движение общества дальше даже по инерции оказывается не только бессмысленным, но и более опасным.

Третье. Именно философия утверждается в эпоху «осевого времени» в роли лидера интеллектуальной культуры, определяя формирование научно-технической цивилизации, однако уже с XVII в. она начинает утрачивать лидерство, причем к началу XXI в. положение выглядит катастрофическим: даже в среде гуманитарных дисциплин рейтинг философов невысок.

Достоинством обсуждаемой монографии является сочетание академической традиции с хорошей художественной формой изложения (так, время замирает «как стекло падающей воды, как провал беспамятства, как фотография» (С. 177)), что придает работе статус философской литературы.

При обсуждении истории понятия «рефлексия» проводится его сравнение с несколькими терминами, с каждым из которых сцеплены смыслы, предусматривающие определённые стратегии мысли и действия. «Избрав термин *“reflexio”*, а не термины *“reditio”*, *“conversion”* или *“revolution”* для описания надёжных основ познания и действия, западная философская мысль предпочла процедуры самоуверенности, самоподтверждения, ситуации радикального изменения, или преобразования» (С. 39–40). Уместно задуматься: результатом потери философией роли важного раздела интеллектуальной

культуры оказывается установка философов на сохранение некоего *status quo*? Для решения данной задачи в XVII в. философская рефлексия начинает ориентироваться на оптикоцентрическую установку, что дополняется развитием теоретических и прикладных разделов оптики и пietetом к геометрии. К сожалению, интеллектуальная культура, вслед за математикой, устремляется от наглядной геометрии к аналитической традиции. Философы не отрефлексировали в достаточной степени этот переход, и опыты геометризации рассуждений, например в «Этике» Б. Спинозы, развития не получили. Стоит согласиться с одной из ключевых мыслей В. В. Савчука о важности для науки и философии, в том числе сегодня, «оптико-центрической установки», с позиций которой в монографии анализируются виды рефлексии: эмпирическая и логическая, трансцендентальная, абсолютная, романтическая критика рефлексивного разума, рефлексия незаинтересованного субъекта, игра рефлексов. Приведённая последовательность рефлексий образует структуру, в соответствии с которой организовано содержание первого раздела монографии «Рефлексия в свете разума».

Новацией книги В. В. Савчука является «топологическая рефлексия». Для обоснования актуальности перехода к ней автор выстраивает три пути: Ренессанс, развитие рефлексии в традиции европейской философии, кризис постмодернизма и постструктурализма. Обратимся ко второму разделу монографии «От топологии к топологической рефлексии». Заслуживает уважения и поддержки обращение мысли философа к топологии как разделу математики, а также к географии. Но возникает вопрос: а почему не упоминается астрономия — ведь философский космизм отходит от неё ещё дальше, чем астрономия! Вспоминается фильм «Кин-дза-дза», где герои-земляне, причем один из них — инженер, не в состоянии вспомнить «элементарные» данные о Земле, определяющие её координаты в космосе. А кто из современных философов без справки ответит на эти вопросы?!

В исходной позиции топос определяется автором как место, из которого (или о котором) мыслит субъект, причём не трансцендентальный, абсолютный, а имеющий вполне определённое пространственно локализованное тело. Субъект не тождествен топосу, обладающему целостностью и полнотой, но способному «выражать интересы» (С. 152). Как и в любой критике, В. В. Савчук уделяет большое внимание отрицательным, не свойственным предмету характеристикам. Здесь это делается с установкой на возврат к ар-

хаике: «В топологической рефлексии — и в этом я вижу всеприсутствие архаического опыта, ушедшего в подсознание *homo sapiens* — отменяется иерархия высшего и низшего, активного и пассивного начал, истока и итога» (С. 163).

Поскольку критические соображения и так занимают более половины книги, я обращусь к тому, насколько автору удалось охарактеризовать топологическую рефлексю, а главное, представить её конструктивно — как оригинальную методологическую программу.

С помощью топологической рефлексии открывается картина мира, вбирающая «опыт художественного взгляда», совпадающая с «целостной картиной мира человека архаического периода», близкая «мифопоэтической картине мира», с «неустрашимыми моральной и эстетической оценкой» (С. 166–167). От зова бытия М. Хайдеггера топологическую рефлексю отличает наличие у неё нравственного, экологического, демографического параметров. Если рассмотренные в первом разделе виды рефлексий оптикоцентричны, то «топологическая рефлексия имеет дело со всеми органами чувств... но особое место в ней занимает тактильная информация» (С. 172). Названные характеристики позволяют оценить топологическую рефлексю и выявить её ресурс в отношении к «редукции (*Reductio*) и конституированию (*Constituere*) Гуссерля, деструкции (*Destruction*) Хайдеггера и деконструкции (*Deconstruction*) Деррида» (С. 180).

В конце XX в. интеллектуалы обращаются к инструментам, нарушающим привычный для рационалистической традиции порядок мысли. Дополнением постмодернистского поворота культуры становится распространение разрушительных тенденций в отношении природы, общества, человека. Поэтому вполне естественным оказывается обращение автора монографии к темам нигилизма, терроризма.

Таким образом, во втором разделе книги содержатся пролегомены топологической рефлексии как новой философской теории. План концептуализации реализован на уровне описания предмета в многообразии понятий, затрагивающих разные сферы жизнедеятельности человека, т. е. обозначена новая область, о которой следует писать, причём сам пишущий включён в неё не только своим мышлением, но и телесно. К сожалению, решение следующей задачи: как писать, работая с топологической рефлексией как с методом? — остаётся нереализованным в предпринятом опыте концептуализации.

Третий раздел монографии «Опыт топологической рефлексии» посвящён обсуждению уже сложившихся и еще не осознанных направлений осуществления последней в современной культуре. Топологическая рефлексия анализирует

проблемы: 1) архаического сознания; 2) перформанса как вида изобразительного искусства; 3) философии фотографии; 4) трансформации субъекта в медиареальности (С. 267). Обращение к особенностям архаического сознания естественным образом приводит к постановке вопросов о «существовании социальности», а в русле топологической рефлексии — о том, какие механизмы приводят к возникновению «коллективного тела», кардинально отличающегося от известных этологам объединений животных (С. 270). Хочется провести параллель с феноменом многоклеточности, появление которой не менее загадочно, чем образование общества. Многоклеточный организм не есть новое качество, возникающее вследствие кооперации одноклеточных существ. Я полностью согласен с мыслью автора о том, что «вопрос о механизмах социальности важен не только для теории, но и для жизнеустройства нашей повседневности» (С. 271), но остаются сомнения относительно того, является ли описанная К. Вульфом и используемая в данной монографии триада «мизис — перформанс — ритуал» необходимым и достаточным условием антропосоциогенеза.

В. В. Савчук широко использует приём выявления специфики предмета и метода посредством соотнесения их с иным. Так, он пишет: «От дискурса топос отличается тем, что природная составляющая его содержания акцентирует соположение природной закономерности логике порядка вопрошания и уместности приведения аргументов. Топос объединяет место и дискурс, и географические особенности места, и способы коммуникации, и осуществление власти (дискурсивных практик)» (С. 300). В развитии темы автор утверждает: «Неизбежность прихода к новому способу мысли требует самым внимательным образом продумать вопросы: кто видит нами? кто чувствует нами? кто желает и волит нами? Именно это является одной из главных задач топологической рефлексии» (С. 305). Стоит согласиться в высказанных формулировках содержатся новые способы вопрошания, сочетающие выход за пределы рационализма с конструктивностью, что может реализовываться средствами мифопоэтики (С. 307). В. В. Савчук, вслед за Дерриком де Керкховым, не только называет мир «продолжением кожи», но считает это средством для преодоления оптикоцентризма. По ходу чтения возникает вопрос: должно ли — если воспользоваться известным в современной психологии и психотерапии делением людей на аудиалов, визуалов и кинестетиков — доминирование в интеллектуальной культуре визуалов смениться приматом кинестетиков? Всё-таки лучше сосредоточиться на осмыслении содержания «пространственного поворота в фи-

лософии» (С. 314), что позволяет изучать такие темы, как топология сна и медитация.

Перформанс трактуется в книге как область, где возможно согласование мысли с действием, причём ключевую роль в этом играет тело, проявляющее большую пластичность, а также способное к росту, трансформациям. Вместе с этим выстраиваются новые, значимые для культуры XXI в. коммуникации: «Художник-акционист пишет телом знаки-символы, искусствовед, читая эти знаки, встраивает их в традицию... Философ... обнаруживает концепт, увязывающий в единое целое искусство, общество, самосознание культуры» (С. 350). Интересное истолкование получает фотография, для которой найдена нетривиальная метафора: «поза логоса» (С. 374–383). Продуктивным представляется также согласование проблемных полей «медиа» и «коммуникации» в концепте «коммуникант: конфигурация медиального тела» (С. 386–401). Возвращаясь к культурно-генетической триаде «мимезис — перформанс — ритуал», отметим, что её можно соотнести с триадой эволюции: «наследование — изменчивость — отбор».

Монография В. В. Савчука выгодно отличается от значительного числа книг современных отечественных и зарубежных философов тем, что автор ориентирует свои исследования на представителей конкретных специальностей, деятелей искусства.

В целом поддерживая и высоко оценивая выполненное В. В. Савчуком монографическое исследование, остановлюсь на нескольких замечаниях.

Первое. Важное место в книге занимают обращения к архаике. Признавая некоторую искусственность наших знаний об античности, истории древнего мира в целом, следует отдавать себе отчёт в ещё меньшей достоверности наших знаний об архаическом человеке и обществе. Возможно, существует только комплекс новых установок в отношении человека к самому себе, к обществу, к природе, а мы связываем этот комплекс с возвратом к архаическому состоянию. Не является ли концепт архаического просто лишней мыслительной конструкцией, которую следует обрезать бритвой Оккама? Во всяком случае, не стоит переоценивать архаическое.

Контактная информация

Разумов Владимир Ильич — доктор философских наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 644077, Омск, ул. Андрианова, 28; razumov@omsu.ru

Второе. Топологическая рефлексия справедливо связывается с философскими проблемами актуального искусства, коммуникации, масс-медиа, фотографии. Возникает вопрос о потенциале топологической рефлексии для развития не только указанных разделов философии, но и соответствующих видов деятельности, играющих в XXI в. существенную роль в эволюции человечества. Ключевой проблемой для инновационного развития, тема которого также находит место в монографии, является формирование механизмов трансфера знаний и технологий. Таким образом, инновационный потенциал топологической рефлексии определится тем, сформируется ли она как инструментальная база, встраивающаяся в интеллектуальные системы современного социума.

Третье. Удивительно, что при столь энциклопедическом подходе к понятию «рефлексия» без внимания остаётся традиция её теоретико-практического изучения. Достаточно вспомнить о Московском методологическом кружке, организационно-деятельностных играх Г. П. Щедровицкого, технологии рефлексивного мышления В. А. Лефевра, школе интеллектики и интеллектуальных систем И. С. Ладенко. Мне очень близка идея о «телесности мысли» — но каким должно быть это тело? Было бы интересно узнать, соответствуют ли представлениям автора монографии разрабатываемые мной и коллегами конструкции категориально-системной методологии, теории динамических информационных систем.

Есть основания надеяться, что топологическая рефлексия находится ещё в стадии зарождения и обладает серьёзным потенциалом для роста как новое философское направление, способное превратиться в значимый фактор инновационного развития общества XXI в. В заключение хотелось бы указать на многочисленные опечатки, содержащиеся в книге и затрудняющие её полноценное восприятие. Это замечание, впрочем, следует адресовать скорее современным издателям и корректорам, во многом искажающим добротные по замыслу и форме реализации концептов работы.